

Э. МАЛЭК

К изучению древнерусского перевода «Повести о купце» Б. Будного

«Повесть о купце, который заложился с другим о добродетели жены своей» принадлежит к числу произведений, переведенных во второй половине XVII в. с польского языка. Оригинал перевода была прозаическая обработка сюжета девятой новеллы 2-го дня «Декамерона» Боккаччо, выполненная в конце XVI столетия польским гуманистом Бениашем Будным.¹

А. Н. Пыпин, с которого начинается изучение повести,² ошибочно отождествляет текст Будного с польской стихотворной версией того же сюжета, озаглавленной «*Historya barzo piękna o Barnabaszu. Jako się ten zasny kupiec z drugim kupcem na snotę żony swojej założył o zakład pięmały*». Это анонимное произведение было впервые напечатано в 1571 г. в краковской типографии Вижбенты, а уже в 1583 г. в той же типографии появилась его прозаическая обработка, т. е. «*Historia krotofilna o kupcu, który się z drugim założył o snotę żony swojej*» Б. Будного, которая и послужила непосредственным источником русского перевода. Будный сохраняет амплификации и пропуски анонимного автора, целью которых было смягчение некоторых, показавшихся скабрёзными деталей текста Боккаччо. Ср., например, сцену в спальне: в «Декамероне» Амбросий разглядывает тело спящей красавицы, с трудом сдерживая охватившую его похоть; у Будного сцена лишена чувственности — герой смотрит на раздевающуюся даму сквозь щель сундука без каких бы то ни было греховных помыслов. Из других изменений отметим еще усиление роли бабы, помогавшей Амбросию проникнуть в комнату купеческой жены, и другое расположение акцентов в концовке новеллы. Кроме того, Будный изменил имена действующих лиц: так, Бернабо Ломеллино из Генуи превращается в Викентия, а Гиневра (Секюран) — в Флорентию (Иствана). В целом, однако, проза Будного намного лучше воспроизводит итальянский оригинал, чем поэтическая версия анонима. По мнению Ю. Кржижановского, «Повесть о купце» Б. Будного — это незаурядное произведение, отличающееся интересным сюжетом, лаконичностью изложения, простым и ясным языком.³

Русскому переводчику, как будет показано ниже, в основном удалось сохранить достоинства оригинала. И хотя факт этот давно известен (кроме А. Н. Пыпина упоминал о русском переводе и опубликовал фраг-

¹ См.: J. Krzyżanowski. *Romans polski wieku XVI*. Warszawa, 1962, s. 227—230.

² А. Н. Пыпин. *Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских*. СПб., 1858, с. 277—278.

³ J. Krzyżanowski. *Romans polski...*, s. 229—230.

мент русского текста С. Л. Пташицкий⁴), сведения об этом интересном памятнике не вошли ни в один из учебников по древней русской литературе, несмотря на то что в каждом из них переводной беллетристике XVII в. уделяется много внимания.

Из советских медиевистов только О. А. Державина заинтересовалась «Повестью о купце», так как списки этого сочинения встречаются вместе с фацециями и новеллами из «Великого Зеркала», монографическим изучением которых исследовательница занималась.⁵ Рассматривая повесть в контексте переводной новеллы, исследовательница пришла к выводу, что перевод «Повести о купце» был выполнен в процессе работы над русской версией фацеций, а так как один из ее списков находится в старейшем кодексе первого перевода фацеций, то мы имеем право отнести возникновение русского варианта повести к концу XVII в.

О. А. Державиной принадлежит заслуга открытия 4 новых списков памятника, не отмеченных библиографией В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской «Древнерусская повесть. Библиография истории русской литературы» (вып. 1. Л., 1940, с. 281). Таким образом, в настоящее время известно уже 8 списков «Повести о купце». Из них 3 датируются концом XVII в. (1 — ГПБ, Q. XVII.12 (Толст. II, 47); 2 — ГПБ, Соловецкое собр., № 242/242; 3 — Собр. Дрезденской корол. б-ки, № 6 (Of. 90)), пять — XVIII в. (4 — ГИМ, собр. Барсова, № 2346; 5 — ГПБ, F. XV.34; 6 — ГПБ, Q. XVII.170; 7 — ГИМ, собр. Соколова, № 75; 8 — БАН, 45.5.30).

Кроме того, Державина издала полностью текст «Повести о купце» по списку БАН, 45.5.30 (далее: *Б*).⁶ К сожалению, опубликованный список не сохранил первоначального текста перевода, а лишь его позднейшую обработку, на что, впрочем, указала сама исследовательница, характеризуя сборник, в составе которого находилась «Повесть о купце» как «подновленный вариант второго перевода фацеций», где «переписчик стремится развить изложение за счет дополнительных слов, эмоциональных эпитетов, сравнений и проч.»⁷

Архетип перевода лучше всего сохранился в списках конца XVII в. из рукописного собрания ГПБ, Соловецкое собр., № 242/242 (далее: *С*) и Q. XVII.12 (далее: *Q*). Однако ни один из них не является авторским текстом. В списке *С* встречаются пропуски смысловых слов, нет в нем также заключительного виршика. В списке *Q* видны следы работы переписчика над текстом перевода: он приписывает на полях рукописи лучшие лексические варианты перевода; к примеру, если в основном тексте польскому *z miasta* соответствует «с места», то на полях тем же почерком добавлено «от града»; в другом месте польское слово *szufladę* передано в виде «шуфляду», а на полях добавлено «шкатулу», и т. д. (Отметим, что в других списках, в том числе и в опубликованном Держави-

⁴ С. Л. Пташицкий. Обзор материала по истории средневековой светской повести в Польше. — ИОРЯС, т. IV, 1902, кн. 1-2, с. 38. 355-357

⁵ О. А. Державина. 1) Рассказы о женщинах и их хитростях в польских и русских фацециях XVII в. — В кн.: Славянская филология, т. II. М., 1958, с. 273—307; 2) Фацеции. Переводная новелла в русской литературе XVII века. М., 1962, с. 17, 33, 44 и др.; 3) «Великое Зерцало» и его судьба на русской почве. М., 1965, с. 5, 167, 172.

⁶ О. А. Державина. Фацеции..., с. 174—185. В издании допущены некоторые неточности и ошибки. Несколько ошибок может быть отмечено в передаче заключительного виршика. Здесь переводчик был скован стремлением сохранить ритм и рифму оригинала, поэтому чаще, чем в основном тексте, оставляет не переведенными польские слова «нецнота», а не «но цнота», «припадком», а не «при падком», как читает О. А. Державина.

⁷ О. А. Державина. Фацеции..., с. 96.

ной списке *В*, почти все исправления уже внесены в основной текст). Если, однако, не принимать во внимание помет переписчика, то следует признать, что для решения вопроса об отношении русского перевода к его польскому источнику лучше всего привлечь именно список Q как более полный и дающий во многих случаях лучшие чтения, чем *С*.

О. А. Державина, характеризуя русский перевод «Повести о купце», не говорит, на какой из списков опирается, ни разу также не сопоставляет русского текста с польским, зато часто сравнивает сюжет новеллы с «Декамероном». Поэтому ее выводы не могут быть признаны окончательными и нуждаются в уточнении.

Текст повести Б. Будного был взят русским переводчиком, по всей вероятности, из одного из изданий начала XVII в. (1614 или 1632 г.), где она помещалась вслед за «Апофегматами» того же автора. Впрочем, оба названных издания не обнаруживают существенных отступлений от не дошедшего до нас первого издания.

Итак, чтобы как можно лучше охарактеризовать степень зависимости перевода от оригинала, следует сопоставить самый близкий к архетипу список «Повести о купце» с польским печатным текстом. Мы будем пользоваться изданием 1614 г.

Действие новеллы Будного происходит в купеческой среде, и принадлежностью героев к этой социальной группе объясняются многие детали сюжета. Согласно поэтике жанра внимание автора сосредоточено на главных героях, все остальные действующие лица составляют фон или орудие действия главных героев. Переводчик сохраняет эту особенность подлинника. Главные герои названы по имени, указано место их жительства и ведущие черты характера, ср.: «некоторый Амбросии от города Пляцентии, человек непостоянный и блудный» («*niejaki Ambroży z Placentiej, człowiek płochy a wszeteczny*»), «некто Викентии именем от града Еневы, человек благопостоянный и благоразумный» («*niejaki Wincenty z Genewy, człowiek stateczny i kupiec nieladajaki*»), все остальные — это точнее не определенные «некие» люди: «купцы некоторые» («*niektorzy kursy*»), «оная баба» («*ona baba*»), «некоторый человек богатый» («*niektory człowiek bogaty*»).

«Повесть о купце» лишена элемента чудесного. Все поступки героев мотивируются вполне реальными причинами: злодейство Амбросия — его непостоянством и желанием провести Викентия, судьба Флорентии — приговором мужа и ее незаурядными личными способностями, раскрывающимися постепенно по ходу действия, и т. д. Перевод и здесь следует за оригиналом (позднейшие обработки, усиливая тенденциозность повести, все дурные поступки героев объясняют дьявольским прельщением).

Существенную роль в развитии сюжета новеллы играет прямая речь. Так, диалог купцов о женской верности является завязкой действия, а пространные, не лишенные лиризма монологи осужденной обманутым мужем Флорентии хорошо раскрывают внутреннее состояние героини: ее недоумение, переходившее постепенно в обиду, и отчаяние. Переводчик и здесь идет за оригиналом, сохраняя как функцию диалогов и монологов, так и их стиль, например:

Ona pytała przyczyny: «Dla czego by to kazał uczynić, ponieważ się nie czuję, w czym bym mu winna była». «Jaś nie wiem, miła Pani» — powiedział on sługa — «wy to lepiej wiecie». Tam go ona prosiła <...> ubrała się w on chłopski ubiór lamentując a narzekając

Она же вопрошала вины. || «Чего ради то муж мой повеле сотворити, понеже отнюдь не вем, в чем была ему виновата». Слуга же отповеда, что не вем, за что гнев его на ню. Тамо моляше его госпожа <...> одевся во ону мужескую одежду, печалуючи

na nieszczęście swe, mówiąc: «I cożem ci wzdy, moj miły Wincenty, tak złego jako żywa uczyniła, żeś tak srodze a bez żadnej przyczyny nade mną rozkazał się srożyć? Ażadem ci kiedy wiarę swą w czym przestąpiła? Ażażes zawsze ze mnie nie miał powolnej żony? Ażadem ja tobie pilnym swym staraniem ku dobremu mieniu wiernie nie pomagała? Ażaż mię też tym był Bog upośledził, żebym ci nadobnych dziattek nie narodziła i one cnotliwie wychowała...»

и нарекаючи на нещастие свое, рекущи: «О, что я тебе когда, мой любимый Викентий, так злое сотворила, понеже так люто безо всякие вины надо мною повелел еси учинити? Или когда тебе || веру в чем преступила, или всегда еси не имел мене послушной жены, или я тебе прилежным своим попечением доброго имени верно не хранила, или меня бог тебе уничижил, дабы я тебе прекрасных детей не породила и их благовейно не воспитала...» (л. 92 об.—93 об.).

Отличительной чертой стиля прозы Будного является ее лапидарность. Сюжет передан так, что от него нечего отнять или прибавить. Переводчик бережно отнесся к тексту оригинала, в результате чего русский читатель получил произведение, почти не уступающее ему по своим достоинствам. Отметим лишь несколько пропусков, которые, однако, не искажают смысла рассказа, но придают изложению еще большую лаконичность.

Wincentego gryzła ta mowa niepo-mału, jakoż z tym niedobrze żartować, ale żeby jakiego złego mniemania że nie swej nie uczynił, rzekł: «Chcę ja nadto gardło swe sadzić, że tego nie dowiedziesz».

«...o co was pilnie pilnie proszę, wszak się ja też W. M. z żadnej posługi nigdy nie wymawiam ani będę, bo iż mam barzo niepatrzne mieszkanie, tedy się boję tej chudoby swej tam zostawić».

Викентия тая речь велми уязвила. «Хощу я за то голову свою положить, что ты того доводу не учинишь» (л. 88 об.).

«...о чем тебя вседушна молю, понеже около дому моего имею неласкавых сосед и злое жилище, и того ради опасаясь вещей моих тамо остави» (л. 90).

Встречаются также, хотя очень редко, изменения, которые приводят к смысловой порче подлинника. Ср., например:

O moje namilsze corki! Wiem ci, że z przyrodzenia nie będziecie ku żadnej złej rzeczy skłonnemi, ale niestety, komuż ich więcej będzie już uczyć, napominać, przestrzegać? O nie chciał tego Pan Bóg, abych była pierwszej zdechła, aniżim te dziewczeczki porodziła...

О, мои возлюбленные девицы! Вем убо, яко с рождения своего до всякой злой вещи приклонены. О горе мне бедной! Кому их будет учить, наказывать и призирати? О не изволил того господь бог, да бых первее была умерла, нежели тые девицы породила... (л. 93 об.).

Пропуск (возможно, сознательный) в первом предложении отрицательной частицы «не» приводит к появлению антифеминистических акцентов, а замена показавшегося слишком грубым *abych zdechła* словами «да бых... была умерла» носит стилистический характер. Однако поправки такого рода единичны, в остальном русский перевод точно воспроизводит польский оригинал.

Сказанное выше не означает, однако, что перевод абсолютно безупречный. Стремление сохранить стиль оригинала путем верного отражения синтаксиса и семантики первоисточника оборачивается обилием полонизмов. Чаще всего имеем дело с калькированием предложных конструкций; ср. «до жены... написати» (л. 89), «вошла... до кleti» (л. 91), «ехал до места Парижа» (л. 91 об.), «при той речи был» (л. 87), «чрез ночь» (л. 89 об.). В двух случаях польские союзы просто написаны русскими буквами: «Что бовем может быть человеку» (л. 87 об.), «не имел ничего написати, *ани*... чего наказывати» (л. 89).

Еще больше количество однозначных слов, переданных русскими буквами: крам, клейноты, место (в значении 'город'), довод, шуфляда, скрыня, казала (т. е. 'велела'), упросила, добре ся радил (т. е. 'справлялся') и т. п. Большинство из них, правда, общепонятно и встречается также в текстах оригинальных, но буквализм перевода приводит иногда к появлению ошибок, затемняющих смысл текста, например:

...aby one tę skrzynię kaźala
wnieść do swej łóżnice.
...a z nimi łażnych zgoła spraw
nie mieli...
...zwierzył się jej wszystko przed-
sięwzięcia...

...дабы тоє скрыню повелела
внести до своего ложа... (л. 90 об.).
...с ними жадных дел не имели...
(л. 88).
...зверился ей всего намерения
своего... (л. 89 об.).

С другой стороны, переводчик пытается приблизить некоторые элементы быта к русскому читателю, вводя русскую фразеологию: obgazy — «иконы», prosił tedy Wincenty z żoną Florentyną — «купец Викентий со женою своею Флорентиею били челом».

Особо следует оговорить концовку повести. У Будного рассказ о похождениях Флорентии заканчивается сообщением о том, что Амбросий был повешен за ребро в лесу, а она вместе с мужем покинула Александрию и вернулась в родной город. Баба, помогавшая Амбросию, тоже получила бы наказание, но раскаялась в своем поступке и покончила жизнь самоубийством. Такая развязка, острая и неожиданная, хорошо сочетается с сюжетом и повествовательной манерой «Повести о купце». Русскому переводчику она показалась, однако, явно недостаточной, поэтому он сочинил мини-эпilog следующего содержания: «Потом Викентий з женою своею Флорентиею поживе много лет в богатстве великом. Повесть же сия (славна и доньне) в тех странах в памяти держится. Конец повести».

Таким образом, русский вариант новеллы уподобился другим памятникам переводной беллетристики: «Повести о Петре Златых Ключей», «Повести об Аполлоне Тирском», «Повести о кесаре Оттоне» и др., в которых повествование доводится до смерти главных героев. Ср., например, заключительные строки первого из названных произведений: «Князь же Петр с княгинею своею, с прекрасною кравежною Магилею, стал жить в добром совете и в великой любви. Отец же его, князь Вольфанг, пожил немногое время, преставися и с княгинею своею Петрониюю. А князь Петр жил после отца своего 80 лет и преставися. А после ево остана сын и правил княжение отца своего так мудро, как и отец его, князь Петр».⁸

В целом следует положительно оценить работу неизвестного переводчика, который, за немногими исключениями, бережно отнесся к сюжету и стилю оригинала. Таким образом, русский читатель второй половины XVII в. познакомился с одним из лучших произведений польской ренессансной прозы, восходящим, как известно, к самому «Декамерону».

* * *

«Повесть о купце» пользовалась на Руси довольно большой популярностью, а ее восприятие шло двумя путями: с одной стороны, наблюдаем стремление сохранить как можно лучше текст перевода (списки Q, C и ГПБ, Q.XVII.170), с другой — многочисленные попытки редактирования повести. К последним следует отнести список B, озаглавленный «По-

⁸ Цит. по: В. Д. Кузьмина. Рыцарский роман на Руси. Бова, Петр Златых Ключей. М., 1964, с. 331.

весть утешная и прилога достойная о двух купцах и о залоге добродетельных ради жены и о злом и лукавом вымысле единого и о злоключимом убожестве другого» со следами сильной стилистической и идейной правки, список ГИМ, собр. Соколова, № 75, «О купце, заложившемся о чести жены», который представляет, как пишет О. А. Державина, особую редакцию повести,⁹ и список ГПБ, F.XV.34, отражающий, по-видимому, переходный этап, предшествующий фольклоризации повести («Повесть чудна, како жена избавила мужа своего от смерти»)¹⁰. Все названные выше редакции сохранились в списках XVIII в. и, вероятно, тогда же возникли.

Большой интерес представляет также список Дрезденской королевской библиотеки, № 6 (Of.90) (далее: *Д*). Он озаглавлен «Повесть о двою купцах зело полезна о Викентии, иже бысть от града Еневы, да о Амбросии, иже бысть от града Пляцентии; един со другим билися об великий заклад о добродетели жен своих» и является самой ранней из ныне известных переделок новеллы. На этой редакции остановимся несколько подробнее.

Стилизация заглавия повести отражает, как оказалось, сознательное, хотя не всегда выдержанное в деталях, редактирование текста. Правка затрагивает здесь как сюжет, так и стиль повести. Приведем несколько примеров.

В списке *Q* реплика Амбросия Викентию, защищающему доброе имя своей жены, вводится просто: «На те слова Викентиевы возвестил Амбросий...». В списке *Д* появляются элементы открытого морализирования, отсутствующие в архетипе перевода. Ответ Амбросия сразу же объясняется дьявольскими кознями: «И тем похвальным Викентиевым словам супостат диявол позавиде. Купец Амбросий, иже от града Пляцентии, воста и нача глаголати...». Речь Амбросия разрастается в странное обвинение непостоянных женщин, которые «мяхкая глаголанья и плясания радостныя творят» и с юношами «вселебезно во блудных похотях пребывают и всяки дарами оных юнош дарят». В результате утверждение, что легковых женщин без особого труда можно прельстить «дарами, всегдашними советами, частым пребыванием со юноши» (*Q*), превращается в тезис о том, что «гораздо с трудом такову нашу жену купеческую мочно обрести, которая бы к таковому дьявольскому совету не пристала и со юноши во своей младости не пребывала, и дарами бы их не дарила, и к прелести бы их себе не вдавала».

Автору переделки несомненно хорошо известна антифеминистическая струя древнерусской литературы (повести о женской злобе и др.). Напрашивается здесь и другая параллель: «Повесть о Савве Грудцыне». Ведь «уловляше» юного Савву «лстивыми словесы к падению блудному» именно купеческая жена, а «уязвляет» ее «к скверному смешению блуда» тот же супостат дьявол. Таким образом, автор переделки предстает перед нами как приверженец традиционной повествовательной манеры.

Вмешательство редактора в текст повести проявляется также в свободной трактовке сюжета произведения. Итак, с одной стороны, имеем дело с пропусками (пропущен, например, эпизод о службе Флорентии у некоего богатого человека в Каталонии и об их поездке в Александрию, к турецкому султану, вследствие чего появление героини при дворе султана слабее мотивировано), с другой — с интерполяциями. Интересным примером расширения повести является введение в текст монолога

⁹ О. А. Державина «Великое Зерцало»..., с. 172.

¹⁰ О. А. Державина. Фацеции..., с. 76.

изгнанной жены Викентия пространной молитвы к Богородице: «И потом, воздев руце ко... матери божи, сице вопияше и глаголюще: „О все-милостивая || госпоже царице и богородице, мати господа вышняго! Внуши, услыши глас мой и вопль и стенание сердца моего, и слезы, проливаемые ко господу богу и тебе, помощнице и наставнице всего мира. Призри на мя убогую и вскоре и внезапно обнищавшую рабу свою, буди мне наставница тверда и путеводительница, о мати божия, царица и богородица! Благоволи же, господи боже мой, едине веры тайная сердца моего мужевии моему, рабу твоему Викентию, сие незлобие яве возвестити».

Особенно разрослась концовка повести. В списке *Д* занимает она больше трех листов, в то время как в *Q* — только четыре строки. Сообщение о том, что Викентий с женою «поживе много лет в богатстве великом», превращается в пространный рассказ о жизни счастливых супругов, об их нищелюбии и благородстве: «...и начаша жити в велицей радости и веселии, слава и благодарствуя бога. И от имения своего начаша милостыню творити, и рабы и рабыни своя добре наделяти, и вся убогия и хромые и слепыя и бедныя в дом свой приводити и питати». Викентий и Флорентия не забыли никого из тех, кто им помогал. Больше всех посчастливилось слуге, пожалевшему свою госпожу. Господа начали его «любити и жаловати, яко сына своего единородного, и вся имения ему вручиша».

Приведенные примеры достаточно ясно, как кажется, показывают приемы работы редактора. Повесть переделана в духе нравоучительной письменности. Тенденциозность пронизывает весь текст с заглавия до заключительной стихотворной сентенции: «Зрите, любимицы, яко правда от смерти избавляет, иже кто ея в себе крепче сокрывает». Морализаторская установка проявляется в бесконечном противопоставлении добродетели и порока, в постоянном подчеркивании, что рано или поздно благородный поступок будет вознагражден, а зло наказано.

В настоящей статье мы старались доказать, что «Повесть о купце» Б. Будного в древнерусском переводе анонимного автора — это незаурядный памятник светской беллетристики второй половины XVII в. Дальнейшего всестороннего изучения требуют прежде всего лишь кратко охарактеризованная нами литературная история повести и ее атрибуция.